

МИФЛОС
ИЗ
МАНИ
ИНИ
КА

ШИМУН ВРОЧЕК

ВОЙНА-56

КНИГА 1. ЗОВ ЛАВКРАФТА

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В82

Разработка серии и иллюстрация на переплете —
К. А. Терина

Врочек, Шимун.
В82 Война-56. Зов Лавкрафта / Шимун Врочек. — Мо-
сква : Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-157034-7

1956 год. В районе Северного полюса пропадают подводные лодки. Люди по всему миру сходят с ума от страшных снов. Древнее и ужасное существо просыпается в ледяных глубинах океана.

В происходящем пытаются разобраться советский капитан Сигногин, бывший командир роты спецназа, и Шон Коннери, агент британской разведки с правом на убийство.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-157034-7

© Врочек Ш., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Бобби перегнулся через стойку, чтобы его никто не слышал.

— Вы только не шарахайтесь, — сказал он. — Пусть вас не смущает размах. Нужно дерзать, Том. Давайте напишем с вами конец света. — Он выдержал паузу. — В натуральную величину.

— Ого.

— Ничего не «ого». Вот слушайте.

Эрнест Хемингуэй,
«Острова в океане»

Убедитесь в том, что велосипед подходит вам по размеру.

Убедитесь в том, что вы умеете управлять велосипедом.

Перед остановкой убедитесь в том, что у вас свободна хотя бы одна нога.

Руководство
по эксплуатации велосипеда

Пролог

ВЫСОКИЙ ПРЫЖОК

Охренеть можно, думает старшина второй статьи Григорьев, глядя на гранату, которая только что (прямо, блин, щас!) выкатилась к его лицу. Граненая шишка, металлический шар в геометрически правильной фасовке каналов, лежит на расстоянии вытянутой руки: в принципе, можно дотянуться и прижать рычаг — только толку, увы, никакого. Насколько помнит старшина, а помнит он обшарпанный стенд с плакатом: граната ручная Ф-1, вскрытая по оси симметрии; кольцо, пороховой заряд, рычаг, выдернуть и прижать, радиус поражения двести метров, надпись химическим карандашом «Костя — дегенерат» и стрелка к запалу, похожему на зеленый член в разрезе, — у него осталось секунды три. Потом долбанет так, что мало не покажется.

Два, считает старшина. В ту же секунду пол вздрагивает и слышен потусторонний жуткий скрежет. Это еще не граната. Это означает, что железная коробочка, по недоразумению именуемая подводной лодкой «К-3», опять задела край полыньи легким корпусом.

Шимун Врочек

Правее Григорьева в ожидании кровавой бани лежит «тариш адмирал флота». Лицо у него белое, как простыня на просушке. Он выдыхает пар и смотрит. Видно, что перспектива превратиться в тонкий слой рубленого мяса, равномерно размазанный по отсеку, прельщает его не больше, чем простых матросов.

Судя по комплекции товарища адмирала — фарш будет с салцом.

Григорьев еще немного думает, потом подтягивает свои семьдесят килограммов на руках и укладывает животом на гранату. Еще один способ почувствовать себя полным идиотом. Граната упирается в желудок, холодит брюшные мышцы — это действует как слабительное. Старшина сжимает задницу, чтобы не обделаться. Страшно до чертиков. Почему-то, как назло, ничего героического в голову не приходит, а из хорошего вспоминается только белый лифчик, обшитый гипюром. Дальше лифчика воображение не заглядывает, хотя явно есть куда. Обидно.

Один, считает старшина.

237 дней до

— Страшно, товарищ адмирал. У них лица живые. До Васильева не сразу доходит.

— Что?

В трюме подлодки пляшут лучи фонарей. Маслянисто-черная жижа хлопает под ногами — воды не так много, видимо, экипаж успел задраить поврежденные отсеки и умирал уже от удушья.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

Семь лет. Васильев идет за лейтенантом, который говорил про лица. Пропавшая без вести «С-18». Лодка в открытом море получила отрицательную плавучесть и легла на дно — если бы не это, у моряков оставался бы шанс. Всплыть они не смогли, хотя насосы главных цистерн еще работали и электроэнергия была. Проклятое дно держало, как присоска.

— Товарищ адмирал!

Луч фонаря выхватывает из темноты надпись на столе. Царапины на мягком алюминии сделаны отверткой — она лежит рядом.

«Будь прокляты те, кто научил нас пользоваться ИДА».

Рядом сидит, прислонившись к койке, человек в черной робе. На нем аппарат искусственного дыхания. Теперь адмирал понимает, что означает надпись. Лодку нашли спустя семь лет после гибели — а неизвестный матрос до последнего ждал спасения. Они стучали в переборки, чтобы подать сигнал спасателям. Они пытались выйти через торпедные аппараты. Глубина почти триста метров — значит, шансов никаких. Но они продолжали надеяться — и продлевали агонию.

Если бы тогда, в пятьдесят втором, лодку удалось найти, думает Васильев. Черт.

Ничего. Не было тогда технических средств для спасения экипажа «С-18». Ее и сейчас-то удалось поднять с огромным трудом, чуть ли не весь Северный флот подключили...

Под ногами плещется вода с дизтопливом и нечистотами. Адмирал прижимает платок к носу.

«Будь прокляты те...»

Лейтенант резко останавливается — Васильев едва не втыкается ему в спину.

— Что?

Лейтенант присаживается на корточки и переворачивает очередное тело. Светит фонарем. Потом лейтенант смотрит вверх, на Васильева, и говорит:

— Видите, товарищ адмирал?

Васильев смотрит и невольно отшатывается.

Молодой безусый матрос — из какой-то русской глубинки. Русые волосы в мазуте. Адмирал чувствует дурноту: матрос уже семь лет как мертв, но у него розовое лицо с легким румянцем и никаких следов тления.

Он выглядит спящим.

146 дней до

Подводникам положены жратва от пуза и кино пять раз в неделю. А еще им положено отвечать на идиотские вопросы начальства.

— Объясните мне, мать вашу, как можно погнуть перископ?!

— Легко, — отвечает командир.

Григорьев, наделенный сверхчеловеческим чутьем, делает шаг назад и оказывается за колонной. Это перископ в походном положении. Отсюда старшина все видит и слышит — или ничего не видит и не слышит, в зависимости от того, как повернется ситуация. Судя по напряженным спинам акустика и радиста, они пришли к такому же решению.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— Так, — говорит Васильев и смотрит на капитана Меркулова. Старшину он не замечает.

— Я понимаю, — ядовито продолжает адмирал, — что вам перископ погнуть — нефиг делать, товарищ каперанг. Но мне все же хотелось бы знать, как вы это провернули?

— Очень просто, — говорит Меркулов невозмутимо. Потом объясняет товарищу адмиралу, что наши конструкторы, как обычно, перестарались. Заложенные два реактора (вместо одного, как у американцев на «Наутилусе») дают избыточную мощность, и лодка вместо расчетных 25 узлов подводного хода на мощности реактора 80% выжимает все 32.

— Разве это плохо? — говорит Васильев.

— У вас есть автомобиль, товарищ адмирал?

Васильев выражает вежливое недоумение: почему у представителя штаба флота, заслуженного подводника, члена партии с тысяча девятьсот тридцать девятого года, не должно быть автомобиля?

— Представьте, товарищ адмирал флота, — говорит Меркулов, — стоите вы на переезде, и тут слева приближается гул, который переходит в рев, свист и грохот, а потом мимо вас на скорости шестьдесят километров в час проносится черная «дура» длиной в стадион и массой под четыре тыщи тонн.

Старшина Григорьев стремительно опупевает, но изображает невидимку. Этот спектакль покруче любого кино, и ему не хотелось бы лишиться места в первых рядах.

Шимун Врочек

— Представили, товарищ адмирал? — спрашивает каперанг Меркулов. Васильев молчит, видимо, у него не такое живое воображение. «Ночевала тучка золотая, — некстати вспоминает старшина, — на груди утеса-великана».

На чело утеса-великана наплывает что-то явно тяжелее тучки. Такой грозовой фронт, что адмирал выглядит черным, как угнетенные жители колониальной Африки.

— Имеете в виду вашу лодку? — говорит адмирал наконец. Он уже произвел в уме нехитрые подсчеты, и все складывается: скорость тридцать узлов, длина больше ста метров и соответствующее водоизмещение. Не надо быть Эйнштейном, чтобы угадать в черной «дуре» лодку проекта 627.

— Имею в виду товарный поезд, товарищ адмирал флота. А теперь представьте, что ваша «Победа» высунула морду на рельсы... Вот поэтому перископ и погнули, — заканчивает Меркулов.

Даже школьного образования Григорьева достаточно, чтобы понять — какой-то логической сцепки тут не хватает. И тем более понимает это адмирал Васильев, у которого за плечами военно-морская академия. И вообще, этот каперанг его достал.

— Не понял, — говорит адмирал сухо.

— Вода, — объясняет Меркулов. — Поверхность. Я приказал поднять перископ, чтобы не идти вслепую. А удар на скорости оказался очень сильным, его и согнуло... Потом еле выпрямили, чтобы погрузиться. Эх, надо было делать запасной, как у американцев.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

Каперанг говорит про «Наутилус» — первую подводную лодку с атомным реактором. Американцы успели раньше, еще в пятьдесят пятом. В том же году вышло постановление Правительства о создании советской субмарины с ядерным двигателем. Но только сейчас, спустя четыре года, «К-3» вышла на ходовые испытания. Первый советский атомоход.

Кстати, у «Наутилуса» действительно два перископа.

Зато можно сказать, что у Меркулова единственный профессиональный экипаж на весь Союз. Несколько лет подготовки — сначала на берегу, при Обнинской атомной станции, потом на макете лодки, а дальше на живой «К-3», на стапелях и в море. И никаких сменных призывов. Впервые на флоте весь экипаж набран по контракту — одни сверхсрочники и опытные матросы. Меркулов костыми лег, но выбил.

Проблем, конечно, все равно выше крыши.

Например, этот Васильев, больше известный как Дикий Адмирал. Приехал посмотреть результаты ходовых испытаний.

Ну что ж, каперанг Меркулов может результаты предоставить.

На скорости выше пятнадцати узлов гидролокатор бесполезен.

На скоростях выше двадцати узлов от вибрации болят зубы и выкручиваются болты.

На скорости тридцать узлов появляется турбулентность, про которую раньше на подлодках и не слышали. Зато американские противолодочные корабли теперь

Шимун Врочек

«К-3» не догонят — силенок не хватит. Зато нас слышно на весь Мировой океан.

И вот тут мы погнули перископ, говорит Меркулов.

— Еще «бочки» эти дурацкие текут постоянно, — продолжает каперанг. Слушай, Дикий Адмирал, слушай. — На них уже живого места нет.

«Бочки» — это парогенераторы. Система трубопроводов первого и второго контуров реактора. Под высоким давлением «бочки» дают течь, уровень радиации резко идет вверх. Появляется аварийная команда и заваривает трубы. И так до следующего раза.

«Грязная» лодка, говорит Меркулов.

— А потом мы открываем переборки реакторного отсека, чтобы снизить в нем уровень радиации.

— Черт, — говорит адмирал. У него в глазах потрескивают миллирентгены. Васильев нервничает. — И получаете одинаковое загрязнение по всей лодке?

— Совершенно верно, — спокойно отвечает командир «К-3». — Ну, на то мы и советские моряки.

43 дня до

В кают-компании тепло и пахнет хорошим коньяком. Стены обшиты красным деревом, иллюминаторы в латунной окантовке. Мягкий свет плафонов ложится на стол, покрытый белой скатертью, и на мощный красивый лоб главнокомандующего ВМФ.

Главнокомандующий хмурится и говорит:

— Я сам командовал кораблем и прекрасно знаю, что ни один командир не доложит об истинном поло-

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

жении вещей. Если ему ставят задачу, он будет выполнять ее любыми правдами и неправдами. Поэтому ты, Меркулов, молчи! О готовности лодки послушаем твоих офицеров.

А что их слушать, думает командир «К-3», каперанг Меркулов. Мы тоже не дураки. На полюс идти надо, так что — пойдём. Лодка к походу готова. А говорить о неисправностях — только лишний раз подставляться... Выйдешь в море на нервах, да еще и ни черта не сделав.

Меркулов выслушивает доклады своих офицеров — на диво оптимистичные. Лодка готова, готова, готова.

Главкомандующий расцветает на глазах. Как розовый куст в свежем навозе.

15 дней до

В надводном положении лодка напоминает серого кита: шкура пятнистая от инея, морда уродливая, характер скверный. Чтобы волнением не болтало, лодка принаитована тросами. Вокруг лодки — суровая северная весна: лед, ветер и черная гладь воды.

На китовой шкуре суетятся мелкие паразиты. Один из паразитов, тот, что повыше, вдруг открывает рот и поет, выпуская клубы пара:

*До встречи с тобою, под сенью заката
Был парень я просто ого-онь.
Ты только одна-а, одна виновата,
Что вдруг загрузила гармо-онь.*

У паразита — сильный наполненный баритон. С видимым удовольствием он повторяет припев:

Шимун Врочек

*Ты только одна-а, одна виновата,
Что вдруг загрустила гармонию.*

— Кто это? — спрашивает Меркулов. Они со старпомом стоят на пирсе, наблюдают за погрузкой и курят. Бледный дым, неотличимый от пара, улетает в серое небо.

— Не знаю, — говорит кап-три Осташко. — Эй, Григорьев! — Старшина оборачивается. — Кто это поет, не знаешь?

Григорьев знает, но отвечать сразу — отдавать по дешевке. Младший командный состав должен знать себе цену. Поэтому старшина прикладывает руку к глазам, долго смотрит (но не так долго, чтобы командир устал ждать), потом изрекает:

— А, понятно. Это каплей Забирка, из прикомандированных. Он вообще худущий, соплей перешибить можно, но голоса — во! Ну, вы сами слышали, товарищ капитан...

И продолжают слышать, кстати.

*Весенние ветры умчались куда-то,
Но ты не спеши, подожди,
Ты только одна...*

— Спасибо, старшина. Можете идти.

— Есть.

Они выпускают дым, снова затягиваются.

— Что-то «пассажиров» мало, — говорит командир задумчиво. — Всего один остался. Куда остальные делись, интересно?

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— Саша, так тебя это радовать должно! — не выдерживает старпом. Он знает, как Меркулов относится к штабным бездельникам, которые идут в поход за орденами и званиями. Обычно таких бывает до десятка. Они первые у котла, у «козла» и у трапа на выход при всплытии. Остальное время «пассажиры» дохнут со скуки и режутся в карты.

— Должно, а не радуется, — говорит Меркулов. — Пассажиры, Паш, — они как крысы, у них чутье звериное. Значит, в опасное дело идем. Или какая-то херня в море случится. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно. Так что, Паша, будь другом — проверь все сам до последнего винтика. Что-то у меня на душе неспокойно.

— Сделаем, командир.

Еще одна затяжка.

— Товарищ командир, смотрите! — вдруг кричит Григорьев издали и на что-то показывает. Командир со старпомом поворачиваются. Сперва ничего не понимают. Потом видят, как по дорожке к пирсу, торопясь и оскальзываясь, спускается офицер в черной флотской шинели. В свете дня его обшлага отсвечивают тусклым золотом. Что-то в офицере есть очень знакомое — и не очень приятное.

— Это Дикий Адмирал, — узнает старпом наконец.

Пауза.

— Накаркали, — говорит Меркулов с досадой и сплевывает.

Шимун Врочек

14 дней до

Дикому Адмиралу никто особо не рад. Он это чувствует и начинает злиться. А когда начальство злится, оно ищет повод придрататься, наорать, наказать и тем самым утвердить собственное эго.

— Что это было? — спрашивает Васильев мягко и зловеще.

Но, в общем-то, не на того нарвался. Командир электромеханической боевой части инженер-капитан второго ранга Волынцев Борис Подымович. Заменить его некем, поэтому «механик» откровенно наглеет:

— Внеплановая дифферентовка, товарищ адмирал.

Врет в глаза, сукин кот, думает Меркулов, но молчит. Сзади раздаются смешки, которые тут же стихают. Вообще-то, механик на самом деле дал маху, но адмиралу об этом знать не обязательно. Подумаешь, задрали корму и накренили лодку вправо. Внеплановая дифферентовка, и пошел ты на фиг.

Васильев молчит. Этот раунд он проиграл.

Адмирал ищет, на ком бы еще сорвать злость. На глаза ему попадается вахтенный журнал, Васильев листает его в раздражении.

— Почему в вахтенном журнале бардак?! — спрашивает он наконец. — Старший помощник, это что, боевой корабль или богадельня?!

Офицеры лодки переглядываются.

— Бордель, товарищ адмирал! — отвечает старпом.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

Старпому нельзя терять лицо перед экипажем. Поэтому он начинает дерзить.

— Так, — говорит Васильев зловеще.

К несчастью, кап-три Осташко забыл, что незаменимых старпомов не бывает. Сместить «механика» адмирал не может, потому что некому будет управлять механизмами и погружением, старпом же — другое дело.

Следует мгновенная и жестокая расправа.

— Записать в вахтенный журнал! — командует адмирал. — Приказываю отстранить старшего помощника Осташко от исполнения служебных обязанностей. — Адмирал очень хочет добавить «отстранить на хрен», но такое обычно не заносят в официальные документы. — Принимаю командование на себя. Обязанности старпома возлагаю на командира лодки. Руководитель похода адмирал флота Васильев... Дай, подпишу.

Неуязвимый «механик» хмыкает. Васильев смотрит на него в упор, но ничего не говорит. Сейчас адмирал напоминает хищника моря, огромную белую акулу с кровью на челюстях.

С хрустом перекушенный, старпом бьется в судорогах; потом, бледный как наволочка, уползает в угол и садится. Руки у него дрожат. Это, скорее всего, конвульсии умирающего. А ведь был хороший моряк, думает Меркулов с сожалением.

Потом открывает рот — неожиданно для себя.

— Товарищ адмирал, разрешите вопрос. Зачем нам ядерные торпеды?

Шимун Врочек

13 дней до

Считается, что спиртное — лучшая защита от радиации. Поэтому лодка несет громадный запас белого сухого вина. К «алиготе» прилагаются апельсины, ярко-оранжевые, как Новый год в детском саду. На человека в день положено сто граммов — это немного. Поэтому офицеры скидываются и организуют «черную» кассу — и на эти деньги забивают холодильник в офицерской кают-компании. Чтобы водка была; и была холодная.

Меркулов смотрит на «Саратов» долгим взглядом. Потом пересиливает себя и идет в центральный. Там его уже ожидает радист.

— Получена радиограмма, товарищ командир. От главного энергетика проекта Шаталова.

— И что? — говорит Меркулов.

— «Ознакомившись с техническим состоянием «К-3», категорически требую запретить выход лодки в море». Подпись, дата.

Меркулов усмехается.

— Поздно. Уже вышли. — Поворачивается к старшему, понижает голос: — Вот оно: высокое искусство прикрывать задницу — учись, Паша.

Через полчаса радист опять докладывает:

— Радиограмма из штаба флота. Товарищ командир, «Наутилус» вышел в море. По данным разведки: американцы готовились в дальний поход. Возможно, целью является...

Твою мать, думает Меркулов.

— Полюс? Они вроде там уже были?

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— Так точно: полюс, — говорит радист. — Нам приказано: идти в боевой готовности, на провокации не поддаваться. В случае контакта с американцами действовать по обстановке. Подпись: Главком ВМФ, дата: сегодня.

Меркулов поворачивается и смотрит на Васильева. Тот несколько не удивлен.

По обстановке значит, думает Меркулов. Что-то ты уж больно спокоен, адмирал. С нашими-то тремя торпедами.

Две обычные «Т-5» с атомными зарядами.

И одна «Т-15», чудовищная штука в 27 метров длиной, с водородной бомбой в две с половиной мегатонны. Эта штука проходит через три отсека и упирается в центральный пост. По замыслу конструкторов, такой торпедой можно поразить крупный военно-морской порт противника.

По данным разведки флота, таких портов во всем мире — два. Два! И ни один не имеет стратегического значения.

Тем не менее сейчас подлодка идет к полюсу с полным ядерным боезапасом. И туда же идет штатовский «Наутилус».

Забавно, думает каперанг.

5 дней до

За бортом — белое крошево; черная вода, в которой плавают куски пенопласта. Это паковый лед. Польшья напоминает суповую тарелку с широкими выщерблен-

ными краями. Григорьев ежится — ему даже смотреть на это зябко. Старшину перевели в экипаж с Черноморского флота, поэтому на севере он банально мерзнет. Хотя и родом с Урала.

Морозный воздух обжигает легкие.

Рядом стоит капитан-лейтенант Забирка — фамилия смешная, да и сам тоже, но парень хороший. И совсем не похож на «пассажира». Ребятам Забирка нравится.

Открыли люки, чтобы проветрить внутренние отсеки. Теплый радиоактивный воздух поднимается вверх; вокруг лодки клубится белый туман.

Из дверей рубки, в облаке пара, возникает Дикий Адмирал. Васильев нарочито медлит, хотя старшина видит, как в его глазах шелкают миллирентгены. Старшина вспоминает шутку времен начала службы. «А свинцовые трусы ты себе уже купил?» Некоторые ломались. Интересно, Васильев бы сломался? Адмирал отчаянно боится радиации — но пока держится и даже пьет не больше других.

Забирка свигается; адмирал встает к ограждению, резко вдыхает, жадно оглядывается, словно пытается надыхаться чистым, без альфа- и бета-частиц, воздухом на год вперед. Ну, по крайней мере, до следующей полыньи.

Налетает ветер и сносит туман в сторону. «К-3» покачивается под порывами.

Васильев рефлекторно вцепляется в леер.

Волнение слабое, но лодку бултыхает в полынье, как дерьмо в проруби.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— И якоря у нас тоже нет, — говорит Меркулов за спиной адмирала и исчезает в люке прежде, чем тот успеваает ответить. Васильев скрипит зубами и беззвучно матерится. За последние дни отношения между проверяющим из штаба и командиром «К-3» испортились окончательно. Старшина делает вид, что ничего не заметил.

Из-за туч выныривает солнце и освещает все, как прожектором.

3 ДНЯ ДО

— Акустик, пассивный режим.

— Есть пассивный режим.

Командир часами лежит на полу, смотрит в перископ. Тот выдвинут едва-едва, чтобы не задеть ледовый пласт, поэтому окуляр находится у самого пола. Меркулов ищет просвет для всплытия. Потом его сменяет старпом, каперанг выпрямляется, хрустит суставами, идет курить. Адмирал появляется в центральном посту все реже. Отсиживается в кормовом отсеке. Кто-то сказал Васильеву, что там радиация полегче. В принципе, это правда — кормовой отсек дальше всего от реакторного.

— Ну что?

— Ничего, товарищ капитан.

Море безмолвствует. Конечно, море полно шумов, это любой акустик скажет — но нет звука чужих винтов. А это самое главное. Старпом перебрасывается фразами с заместителем.

— Теоретически им нас не догнать, — говорит заместитель об американцах.

Шимун Врочек

— А практически?

— А практически мы их не услышим.

— Шумы, — говорит акустик. — Слышу...

— Что? — выпрямляется старпом. — Что слышишь?

Лицо акустика в напряжении. На лбу выступает капля пота, бежит вниз.

— Блин, — говорит вдруг акустик. — Простите, товарищ капитан. Будто дышит кто.

— Что еще? — старпом отбирает наушники, вслушивается в море. Сперва ничего не разбирает, кроме гула и отдаленного звука винтов — это собственный шум «К-3». Потом слышит далекий смех. Потом — глубокий мужской голос на фоне гула океана.

*Весенние ветры умчались куда-то,
Но ты не спеши, подожди-и,
Ты только одна-а, одна виновата,
Что так беспокойно в груди-и.*

— Блин, — говорит старпом. Потом командует: — Отставить песню! Дайте мне радио.

— Не надо.

Старпом оборачивается и видит Меркулова, который уже покурил, поел, выспался и успел побриться. Подбородок каперанга сияет чистотой. Старпом мимоходом завидует свежести командира, потом смотрит вопросительно.

— Хорошая песня, — поясняет Меркулов. — Хорошо поет. Акустик, активный режим.

— Есть активный. — Акустик включает гидролокатор. Слышен тонкий импульс сигнала. Меркулов от-

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

крывает люк в переборке, то же самое делают в остальных отсеках. Теперь голос слышен без всяких наушников.

*Ты только одна-а, одна виновата,
Что так беспокойно в груди-и.*

2 ДНЯ ДО

На краю суповой тарелки лежит, замороженная в лед, огромная атлантическая селедка, густо посыпанная крупной белой солью.

— Блин, — говорит старпом. Похоже, словечко привязалось.

Характерная форма рубки и леерных ограждений. До боли знакомые обводы легкого корпуса. Такие очень... очень американские.

— «Наутилус», — говорит Меркулов, сам себе не веря. — Чтоб меня, это же «Наутилус»!

Прибегает мичман-дозиметрист и докладывает:

— Фонит, тарищ командир. Почти как в активной зоне. Может, у них реактор вразнос пошел? Они, наверное, всплыли по-быстрому, их как пробку выбросило — и на лед!

Глаза у мичмана покрасневшие и гноятся. От радиации у половины экипажа — конъюнктивит и экзема. Несколько человек на грани слепоты. Грязная лодка, очень грязная, думает каперанг. Хотя у американцев дела не лучше. У них дела, если честно, совсем плохи.

— Как лодка называется? Опознали?

— Нет, товарищ командир. Там только бортовой номер: пять-семь-один.

Номер «Наутилуса». Значит, я не ошибся, думает капитан. Но что, черт возьми, тогда с ними случилось?

— Сменить одежду, — приказывает Меркулов. — В лодку не заходить, вам сюда принесут — ничего, не замерзнете. Потом отогреетесь. Личные дозиметры — на проверку. Молодцы, ребята. И получить двойную порцию водки. Все, бегом.

— Есть!

Появляется Васильев. С минуту смотрит на тушу американской лодки, потом протирает глаза. У него зрение тоже садится — или адмирал очень удивлен.

Или все разом.

— Блин, — говорит Дикий Адмирал. В этом Меркулов с ним солидарен. — Нашли кого-нибудь?

— Еще нет. Пока не искали. Старпом!

Осташко о чем-то беседует с комиссаром лодки. В этот раз «К-3» поставили вплотную к кромке льда и опустили носовые рули глубины — как трапы. Несколько матросов выглядят на белом фоне, словно вороны на снегу.

— Старпом! — повышает голос Меркулов. Осташко оборачивается. — Паша, возьми людей, возьми автоматы из оружейки. Осмотритесь здесь вокруг. К «Наутилусу» не лезть. Давай, может, кого найдете. Только дозу не забудь измерить. Ну, с богом.

— Понял, — отвечает старпом.

Меркулов поворачивается к Васильеву.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— На твоём месте, — говорит адмирал тихо, — я бы приказал стрелять в любого, кого они обнаружат.

Каперанг надменно вскидывает подбородок. Взгляд его становится тяжёлым, свинцовым. Слова чеканятся, как зубилом по металлу.

— Вы что-то знаете?

Адмирал поводит головой, словно воротник кителя натер ему шею.

— Дело твоё, — говорит Васильев наконец. В его глазах — непрерывный треск сотен счётчиков Гейгера. — Твоё, каперанг. Только не пожалей потом, ладно? Меркулов молчит.

Ты только одна-а, одна виновата...

1 день до

— Ктулху, — говорит американец. Он уже должен был загнуться от лучевой болезни, но почему-то не погибает. Только глаза жутко слезятся; огромные язвы — лицо Рокуэлла выглядит пятнистым, как у леопарда. Ещё у него выпадают волосы — но при той дозе, что схватил американец, это вообще мелочи.

— Простите? — говорит Меркулов. Он плохо знает английский, но в составе экипажа есть Константин Забирка, который английский знает хорошо. Так что, в общем-то, все друг друга понимают. Кроме моментов, когда американец заводит разговор о Ктулху.

— Говард Лавкрафт, — продолжает американец, — умер в тридцать седьмом. А мы ему не верили.

Ему самому тридцать два. Его зовут Сэм Рокуэлл. Он лейтенант Военно-морского флота США. Еще он совершенно лысый и слепой от радиации.

Близко подойти к «Наутилусу» Меркулов не разрешил. Дорого бы он дал за вахтенный журнал американцев, но... Но. Рассмотрели лодку со всех сторон из биноклей. На правом борту, рядом с рубкой, обнаружили странные повреждения — словно кто-то вырвал кусок легкого корпуса и повредил прочный. Пробоина. Видимо, столкновение? Или удар?

— Да, да, — говорит американец. — Мы закрыли отсек. Потом полный ход. Искали, где подняться наверх. Да, да.

— У вас есть на борту ядерное оружие? — спрашивает Меркулов. — Переведи ему.

Забирка переводит — странно слышать чужие слова, когда их произносит этот глубокий красивый голос.

Американец молчит, смотрит на каперанга. Через желтоватую кожу лица просвечивает кость.

— Дайте ему водки. И повторите вопрос.

— Да, — говорит Рокуэлл, лейтенант Военно-морского флота США. — Мы собирались убить Ктулху. Вы слышали про операцию «Высокий прыжок»? Сорок седьмой год, адмирал Ричард Бёрд. С этого все началось...

12 часов до

Ростом с гору. Так написал Лавкрафт. Еще он описывает, как люди с повышенной чувствительностью — люди искусства, художники, поэты — видели во снах

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

некое чудовище и сходили с ума. От таких снов можно чокнуться, мысленно соглашается Меркулов, вспоминая огромный, затянутый туманом город, от которого словно веяло потаенным ужасом. Невероятные, циклопические сооружения, сочащиеся зеленой слизью. И тени, бродящие где-то там, за туманом, — угадываются их нечеловеческая природа и гигантские размеры. Ростом Ктулху «многие мили». Капитан автоматически пересчитывает морскую милю в километры и думает: очень высокий. Охрененно высокий.

Долбанутые американцы. Не было печали.

Меркулов с облегчением выглатывает водку и зажевывает апельсином. Желудок обжигает — водка ледяная. Потом каперанг убирает бутылку в холодильник, идет бриться и чистить зубы. Командир на лодке должен быть богом, не меньше, — а от богов не пахнет перегаром.

— Слышу «трешотку», — говорит акустик. — Какой-то странный рисунок, товарищ командир.

Меркулов прикладывает наушники, слушает. На фоне непрерывного скрежета, треска и гула — далекий гипнотический ритм: тум-ту-ту-тум, ту-ду. И снова: тум-ту-ту-тум, ту-ду. Мало похоже на звуковой маяк, который выставляют полярники для подводных лодок. К тому же, насколько помнит каперанг, в этом районе никаких советских станций нет.

— Это не наши.

— Это мои, — говорит Васильев хриплым надсаженным голосом. Дикий Адмирал уже второй день пьет по черному, поэтому выглядит как дерьмо. — То есть наши.

Но дерьмо, которое зачем-то выбрилось до синевы, отутюжилось и тщательно, волосок к волоску, причесалось. От Васильева волнами распространяется холодноватый запах хорошего одеколона. Интересно, на кой черт ему это нужно? — думает командир «К-3» про попытку адмирала выглядеть в форме.

— Что это значит? — Меркулов смотрит на адмирала.

— Это значит: дошли, каперанг. «Трешотка» обозначает нашу цель.

Цель? У командира «К-3» от бешенства сводит скулы.

— У меня приказ дойти до полюса, — голос звучит будто со стороны.

Адмирал улыбается. Это слащавая похмельная улыбка — Меркулову хочется врезать по ней, чтобы превратить улыбку в шербатый окровавленный оскал. В этот момент он ненавидит адмирала так, как никогда до этого.

Это *мой* экипаж, думает Меркулов. *Моя* лодка.

— На хрен полюс, — говорит Васильев добродушно. — У тебя, каперанг, другая задача.

8 часов до

Подводный ядерный взрыв, прикидывает Меркулов.

Надо уйти от гидроудара. Сложность в том, что у «К-3» только носовые торпедные аппараты. После выстрела мы получим аварийный дифферент; то есть, попросту говоря, масса воды в несколько тонн хлынет внутрь лодки, заполняя место, которое раньше занима-

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

ла торпеда-гигант. Лодка встанет на попа. Придется срочно продувать носовые балластные цистерны, чтобы выровнять ее. Если чуть ошибемся, «К-3» может выскочить на поверхность, как поплавок. А там лед. Вот будет весело. Даже если все пройдет благополучно и мы выровняем лодку вовремя, то еще нужно набрать ход, развернуться и уходить на полной скорости от ударной волны, вызванной подводным ядерным взрывом.

А там две тысячи четыреста килотонн, думает Меркулов. Охрененная глубинная бомба.

— Акустик, слышишь «трещотку»? Дай точный пеленг.

Акустик дает пеленг. Мичман-расчетчик вносит данные в «Торий». Это новейший вычислитель. Прибор гудит и щелкает, старательно переваривая цифры и цифры. Лодка в это время меняет курс, чтобы дать новые пеленги на цели — их тоже внесут в «Торий». Координаты цели, координаты лодки и так далее. Подводная война — это прежде всего тригонометрия.

Цель неподвижна — поэтому штурман быстрее справляется с помощью логарифмической линейки.

— Готово, командир.

Меркулов глазами показывает: молодец.

Полная тишина. Лодка набирает скорость и выходит на позицию для стрельбы. Расчетная глубина сто метров.

Вдруг динамик оживает. Оттуда докладывают — голосом старшины Григорьева:

Шимун Врочек

— Товарищ командир, греется подшипник электродвигателя главного циркуляционного насоса!

Блин, думает Меркулов. Вот и конец. Мы же подо льдом. Нам на одной турбине переться черт знает сколько. А еще этот Ктулху, Птурху... хер его знает кто.

4 часа до

— Разрешите, товарищ капитан?

Григорьев проходит в кают-компанию, садится на корточки и достает из-под дивана нечто, завернутое в промасленную тряпку. Осторожно разворачивает, словно там чешская хрустальная ваза.

На некоторое время у кап-три Осташко пропадает дар речи. Потому что это гораздо лучше любого, даже венецианского стекла. Все золото мира не взял бы сейчас старпом вместо этого простого куска железа.

— Вот, товарищ капитан, он самый.

На ладонях у Григорьева лежит подшипник, который заменили на заводе. Запасливый старшина прибрал старую деталь и спрятал на всякий пожарный. Интересно, думает старпом, если я загляну под диван, сколько полезного там найду?

— Молодец, Григорьев, — говорит Осташко с чувством.

— Служу Советскому Союзу! — отчеканивает старшина. Затем — тоном ниже: — Разве что, товарищ капитан, одна закавыка...

— Что еще? — выпрямляется старпом.

— Мы на этом подшипнике все ходовые отмотали.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— И?

Старшина думает немного и говорит:

— А если он вылетит на хрен?

Короткая пауза.

— Тогда на хрен и будем решать, — говорит Осташко. — Все, работай.

1 час 13 минут до

— Товарищ командир, — слышится из динамика спокойный голос главного механика. — Работы закончены. Разрешите опробовать?

— Пробуй, Подымыч, — говорит командир. Не зря его экипаж дневал и ночевал на лодке все время строительства. Сложнейший ремонт выполнен в открытом море и в подводном положении. Только бы получилось! Только бы. Меркулов скрещивает пальцы.

— Нормально, командир, — докладывает динамик. — Работает как зверь.

Командир объявляет новость по всем отсекам. Слышится тихое «ура». Все, теперь ищем полынью, решает Меркулов.

22 минуты до

— Операция «Высокий прыжок» — в сорок седьмом году экспедиция адмирала Бёрда отправилась в Антарктиду. Целая флотилия, четырнадцать кораблей, даже авианосец был. На хера столько? — вот что интересно. С кем они воевать собирались? А еще интереснее,

кто их там встретил — так, что они фактически сбежали, сломя голову. А адмирал попал в сумасшедший дом... А теперь смотри, каперанг, — говорит Васильев и пробивает апельсин отверткой насквозь. Брызжет желтый сок. Остро пахнет Новым годом. — Все очень просто, — продолжает адмирал. — Вот Южный полюс, о который обломал зубы адмирал Бёрд, вот Северный — рядом с которым пропадают наши и американские лодки. Короче, на этой спице, протыкающей земной шар, как кусок сыра, кто-то устроился, словно у себя дома. Нечто чудовищное.

Образ земного шара, проткнутого отверткой, отнюдь не внушает Меркулову оптимизма.

— За последние шесть лет пропало без вести восемь наших лодок, одна норвежская и три американские, — говорит адмирал. Он успел навестить холодильник, поэтому дикция у него смазанная. — Все в районе севернее семидесятой широты. Полярные воды. — Васильев замолкает, потом натужно откашливается. От него несет перегаром и чем-то застарело кислым. — Недавно мы нашли и подняли со дна «С-18», исчезнувшую семь лет назад. Там... тебе интересно, каперанг?

— Да, — говорит Меркулов.

Васильев, преодолевая алкоголь в крови, рассказывает каперангу, что было там. Его слушает весь центральный пост. Тишина мертвая.

Лодка сейчас на поверхности — они вернулись в ту же полынью, в которой всплывали днем раньше. Последняя проверка перед боем.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— У них лица живые, — заканчивает рассказ адмирал. Командир «К-3» молчит и думает. «С-18» получила повреждения, когда была на ходу в подводном положении. «Наутилус», по словам американца, заходил в атаку. Потом... что было потом?

Меркулов поворачивается к старпому:

— Ну-ка, Паша, тащи сюда американца.

17 минут до

— Уэл, — говорит американец тихо. Он сильно ослабел за последние часы.

— Хорошо, — переводит Забирка сильным красивым баритоном.

— Что ж, спасибо, лейтенант Рокуэлл. Спасибо. Все по местам! — Меркулов встает и поправляет обшлага на рукавах. В бой положено идти при параде. — Посмотрим, выдержит ли их империалистический Ктулху попадание советской ядерной торпеды.

Старпом и штурман дружно усмеваются.

— Нет, — говорит вдруг каплей Забирка. — Ничего не получится.

Сначала Меркулов думает, что это сказал американец, а Забирка просто перевел своим звучным голосом. Поэтому каперанг смотрит на Рокуэлла — но губы американца неподвижны, лицо выражает удивление. Потом командир «К-3» видит, как Забирка делает шаг к матросу-охраннику, и, глядя тому в глаза, берется за ствол «калаша». Рывок. Ничего не понимающий матрос тянет

автомат на себя — и получает мгновенный удар в горло. Х-харх! Матрос падает.

Забирка поворачивается, оскалив зубы.

Худой, страшный. На левом глазу — белая пленка катаракты.

В жилистых руках, торчащих из черных рукавов, автомат кажется нелепым. Дурацкий розыгрыш, думает Меркулов. Как подводник, он настолько отвык от вида ручного оружия, что даже не верит, что эта штука может убивать.

Забирка улыбается. В этой улыбке есть что-то неправильное — каперанг не может понять, что именно, но ему становится не по себе. Двигается Забирка очень мягко, по-звериному.

Кап-три Осташко кидается ему наперерез.

Судя по звуку — кто-то с размаху вбивает в железную бочку несколько гвоздей подряд. Оглушенный, ослепленный вспышками, Меркулов щурится.

Старпом медленно, как во сне, заваливается на бок.

Все сдвигается. Кто-то куда-то бежит. Топот. Ругань, Крики. Выстрелы. Один гвоздь вбили, второй.

— Паша! — Меркулов опускается на колени перед другом. — Что же ты, Паша...

Лицо у кап-три Осташко спокойное и немного удивленное. В груди — аккуратные дырочки. На черной форме кровь не видна; только кажется, что ткань немного промокла.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

13 минут до

— Водолазов ко мне! — приказывает Меркулов резко. Потом вспоминает: — Стоп, отставить.

Водолазы бесполезны. В обычной лодке их бы выпустили наверх через торпедные аппараты — но здесь, в «К-3», аппараты заряжены уже на базе. Конечно, можно было бы выстрелить одну торпеду в никуда. Но не с ядерной же боеголовкой!

Гром выстрела.

Пуля с визгом рикошетит по узкой трубе, ведущей в рубку. Все, кто в центральном посту, невольно пригибаются. Затем — грохот, словно по жестяному водостоку спустили металлическую гайку.

Матрос ссыпается вниз, держа автомат одной рукой. На левой щеке у него длинная кровавая царапина.

— Засел в рубке, сука, — докладывает матрос. — И в упор, гад, садит. Не пройти, тарих командир. С этой дурой там не развернешься, — показывает на «калаш». Потом матрос просит: — Дайте мне пистолет, тарих комиссар, а? Я попробую его снять.

Комиссар лодки делает шаг вперед, расстегивая кобуру.

— У меня граната! — слышится голос сверху. Сильный и такой глубокий, что проходит через отсеки почти без искажений — только набирая по пути темную грохочущую мощь.

— Отставить! — приказывает Меркулов. Обводит взглядом всех, кто сейчас в центральном. Ситуация

Шимун Врочек

аховая. Сумасшедший Забирка (сумасшедший ли? диверсант?) держит под прицелом рубочный люк. Кто сунется, получит пулю в лоб. Скомандовать погружение, и пускай этот псих плавает в ледяной воде, думает командир «К-3». Эх, было бы здорово. Но нельзя, вот в чем проблема.

Не задраив люк, погрузиться невозможно, потому что затопит центральный пост. В итоге, понимает Меркулов, мы имеем следующее: один безумец держит в заложниках атомную лодку, гордость советского Военно-морского флота, и сто человек отборного экипажа. А еще у него есть «калаш», два рожка патронов и граната, которую он может в любой момент спустить в центральный отсек. Особенно забавно это смотрится на фоне надвигающегося из подводной темноты американского Ктулху.

— Гребаный Ктулху, — произносит Меркулов вслух.

— Аварийный люк, товарищ командир! — вскакивает матрос с автоматом. Громким шепотом: — Разрешите!

Секунду капитан медлит.

— Молодец, матрос, — говорит Меркулов. — За мной!

4 минуты до

Восьмой отсек — жилой. Здесь как раз лежит на койке старшина Григорьев, когда раздаются выстрелы. Теперь матросы и старшины, собиравшиеся отдохнуть, с тревогой ждут, что будет дальше. Руки у старшины за-

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

мотаны тряпками — раскаленные трубы парогенератора находились очень близко, ремонтники постоянно обжигались.

Но ничего. Лишь бы разобраться с выстрелами.

Появляется командир лодки с пятью матросами. Все с автоматами, у Меркулова в руке пистолет. За ними в отсек вваливается адмирал Васильев — с запахом перегара наперевес, мощным, как ручной гранатомет.

— Раздраивай, — приказывает Меркулов.

Аварийный люк не поддается. Несмотря на ожоги, Григорьев лезет вперед и помогает. Механизмы старшину любят — поэтому люк вздыхает, скрежещет и наконец сдается. В затхлый кондиционированный воздух отсека врывается холодная струя.

Один из матросов отстраняет Григорьева, лезет наружу, держа автомат наготове. Тут же ныряет обратно, выдыхает пар. Звучит короткая очередь — пули взвизгивают о металл корпуса.

Матросы сыпаются вниз с руганью и грохотом.

Григорьев падает. Поворачивает голову и видит адмирала флота Васильева. У того лицо белое, как простыня.

— Я же предупреждал! — раздается знакомый голос. Звяк!

В следующее мгновение граненая металлическая шишка выпадает из люка сверху. Стукается об пол, отскакивает со звоном; катится, подпрыгивая и виляя, и останавливается перед Григорьевым прямо на расстоянии вытянутой руки.

Еще через мгновение старшина ложится на гранату животом.

Момент 0

Один, считает старшина.

В следующее мгновение боль ломиком расхреначивает ему ребра — почему-то с левой стороны. Еще через мгновение Григорьев понимает, что его пинают подкованным флотским ботинком.

— Слезь с гранаты, придурок! — орут сверху.

Еще через мгновение семьдесят килограммов старшины оказываются в воздухе и врезаются в стену. Каждый ее сантиметр занят краниками и трубами, поэтому Григорьеву больно. Старшина падает вниз и кричит.

Пол снова вздрагивает. Только уже гораздо сильнее. Старшина открывает глаза — над ним склонился каперанг Меркулов с гранатой в руке. Кольцо в гранате, думает Григорьев, ах я, дурак.

Через открытый аварийный люк восьмого отсека льется дневной свет. Становится холодно.

— Ктулху фхтагн, — слышит старшина сверху. И не верит своим ушам. Ему невероятно знаком этот сильный красивый баритон — глубокий, как дно океана. Только в этом голосе сейчас звучит нечто звериное, темное. Этот голос пугает, словно говорит сама глубина.

— Пх'нгуи мглв'нафх Ктулху Рльех вгах'нагл фхтагн. Но однажды он проснется...

Автоматная очередь. Крики.

— Ктулху зовет, — изрекает капитан-лейтенант Забирка. Его не видно, но голос разносится по всем отсекам. У Забирки автомат и гранаты, но он забыл, что нуж-

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

но выдернуть кольцо. Капитан-лейтенант стремительно превращается в первобытное существо.

Адмирал Васильев встает на ноги и говорит Меркулову:

— Теперь ты понял, для чего нам ядерные торпеды?

Каперанг кивает. Потом выдергивает чеку, размахивается и кидает гранату через люк вверх, как камешек в небо.

— Ложись, — говорит командир «К-3». — Три. — Меркулов падает, закрывая голову руками.

Два, считает старшина. В ту же секунду пол вздрагивает, и слышен потусторонний жуткий скрежет.

Один, думает старшина.

Пять секунд после

По лодке словно долбанули погрузочным краном. От взрыва гранаты лодку прибивает к краю полыньи — скрежет становится невыносимым. Матросы зажимают уши. Каперанг вскакивает, делая знак матросам — вперед, наверх! Если этот псих еще жив — его нужно добить. Поднимает пистолет. «Черт, что тут нужно было отщелкнуть?! А, предохранитель...»

Вдруг динамик оживает:

— Товарищ командир, рубочный люк задраен!

Сперва Меркулов не понимает. Потом думает, что это хитрость. Забирка каким-то образом пробрался в центральный и захватил лодку.

— Кто говорит?

— Говорит капитан-инженер Волинцев. Повторяю: рубочный люк задраен.

— Очень хорошо, центральный, — каперанг приходит в себя. — Всем по местам! — командует Меркулов. — Срочное погружение!

Пробегает в центральный пост. Там лежат два тела в черной форме: сердце колет ледяной иглой, Паша, что же ты... А кто второй?

Посреди поста стоит «механик» Волинцев с рукой на перевязи. Лицо у него странное, на лбу — огромный синяк.

Вторым лежит Рокуэлл, лейтенант Военно-морского флота США, с лицом, похожим на шкуру пятнистого леопарда. Глаза закрыты. На черной робе кровь не видна; только кажется, что ткань немного промокла.

— Вот ведь, американец, — рассказывает «механик». — Забрался наверх и люк закрыл. Я ему кричу: слазь, гад, куда?! Думал, убежать штатовец хочет. А он меня — ногой по морде. И лезет вверх. — Волинцев замолкает, потом говорит: — Люк закрывать полез, как оказалось. Герой, мать вашу.

Топот ног, шум циркуляционных насосов. Лодка погружается без рулей — только на балластных цистернах.

— Осмотреться в отсеках!

— И ведь закрыл, — заканчивает Волинцев тихо, словно не веря.

— Слышу, — говорит акустик. Лицо у него поблевшее, но сосредоточенное. — Цель движется. Даю пеленг...

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— Боевая тревога, — приказывает Меркулов спокойно.

— Приготовиться к торпедной атаке. Второй торпедный аппарат — к бою.

Ладно, посмотрим, кто кого, думает каперанг. «Многие мили» ростом? Что же, на то мы и советские моряки...

*В колхозном поселке, в большом и богатом,
Есть много хороших девча-ат,
Ты только одна-а, одна виновата,
Что я до сих пор не жена-ат.*

*Ты только одна-а-а, одна виновата,
Что я до сих пор не жена-ат.*

Глава 1

MAGNESIUM MONSTER

Белые ледяные торосы. Поля белых ледяных торосов с высоты кажутся бесконечными. Зимний мир подминается под крыло, сверкая на солнце, как огромная рождественская игрушка. Ммммм. Ммммм. Гул двигателей, поскрипывание и вибрация сливаются в один звукоошущаемый поток; кажется, что скрип (так дом оседает, устраиваясь поудобнее в почве. Но в чем же тогда устраивается «Б-3б»? В прозрачном леденцовом воздухе самолет елозит своей магниево-дюралюминиевой задницей, несущей атомные бомбы, и все никак не может устроиться) капитан Гельсер слышит кожей, а ушами воспринимает зуд металла от работающих поршневых групп. Это особое ощущение. Ощущение пилота. Руки капитана свободно лежат на подлокотниках кресла; тем не менее штурвал иногда плавно поворачивается чуть влево, затем чуть вправо. Автопилот ведет двадцатитонную махину курсом на воздушное пространство Советов. До точки поворота экипажу делать нечего. Гельсер щурит глаза под темными очками и смотрит на часы. До поворота еще пятьдесят минут. Так?

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

Игрушечный гномик на панели качает головой.

Не-так, не-так, не-так.

Много ты знаешь, думает Гельсер. Восьмой час полета. Он выпрямляется и вскрикивает от боли. Черт. Это и значит: быть пилотом. У него опухли ноги и занемела спина, мочевого пузырь горячий и твердый, как нагретый солнцем бульбжик; можно передать управление второму пилоту и пойти отлить, но тому еще спать двадцать семь минут. Не стоит его будить ради такой мелочи. Потерплю, думает Гельсер привычно. Чтобы отвлечься от давления в животе, он смотрит на давление масла в двигателях (норма, норма, почти норма, чуть ниже нормы... всего их шесть... и четыре добавочных турбовинтовых, которые включаются только в случае крайней необходимости, если вдруг придется драпать от истребителей Ивана... дай нам бог обойтись без этого), потом на бортовой термометр (минус семьдесят четыре градуса за бортом), затем снова на гнома. Не-так, не-так...

Голова гнома качается и трясется.

За окном проплывает белая безжизненная поверхность ледяной пустыни. Когда Гельсер смотрит на нее с высоты девяти километров, у него мерзнут ноги. Этого не может быть, потому что обогреватель ревет от натуги, в кабине тепло (даже жарко). Но тем не менее это так. Каждый боевой вылет так. Внезапно капитана настигает приступ паники. Гельсер поправляет кислородную маску и делает пару глубоких вдохов. Кислородно-воздушная смесь заполняет легкие, и приступ отпускает. Теперь маска висит над его правым плечом. По инструкции положено маску не снимать во время

всего полета на таких высотах. Но кто ей следует, этой инструкции?

Ммммм. Вдруг ему начинает казаться, что он слышит в гуле винтов какой-то посторонний звук. Капитан крутит головой, но звук не исчезает. Ммммззз. Он такой... такой... ззз... словно... Гельсер встряхивает головой, подносит к губам микрофон. Щелкает тумблером.

— Финни, как у вас? — спрашивает он стрелка.

Пауза. Невидимый Финни проверяет показания приборов и бортовой рлс.

— Ока. Чиста. Что-то случилось, сэр? — Финни из Техаса, поэтому он экономит на гласных. А еще он любопытен.

Мгновение капитан медлит. Гнома подарила ему бывшая жена — пока еще не ненавидела его. Тогда у них все было хорошо.

Он снова подносит микрофон к губам. Третий пилот поворачивается и смотрит на него, выгнув бровь.

— Ничего не слышали? — настаивает Гельсер.

Щелчок. Помехи.

— Нет, сэр.

Третий пилот уже не разыгрывает удивление, он действительно удивлен.

— Сэр?

Гельсер делает знак: подожди.

— Никакого звука, похожего на... — он пытается повторить. — Ззз, ззззз. Нет?

Третий пилот смотрит на него, как на идиота, потом привычка к подчинению берет вверх. Он начинает прислушиваться.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— Нет, сэр, — отвечает Финни через паузу.

— Хорошо, — говорит Гельсер и отключается. Штурман за его спиной (он сидит против движения самолета, чтобы наблюдать за двигателями) шевелится. Гельсер, даже не поворачиваясь, чувствует, как в воздухе сгущается вопрос:

«Что это, черт возьми, было, сэр?»

— Показалось, — говорит Гельсер. — Работаем, парни.

Мочевой пузырь давит уже немилосердно. Начинает отдаваться болью в почках; хватит терпения, пора будить сменный экипаж. Гельсер снимает наушники. Ах да, формальности. Он берет микрофон и говорит (бортовые самописцы где-то там в недрах самолета включаются):

«Капитан Гельсер. Управление сдал третьему пилоту Кински. Высота 41 тысяча футов, курс 218, все системы в норме».

«Третий пилот Кински, — отвечает тот. — Высота 41 тысяча футов, курс 218, все системы в норме. Управление принял».

Гельсер кивает и встает, чувствуя, что икры ног совершенно чужие, резина, а ягодыцы вставлены в многострадальный зад, как лишние детали. Едва ступая на затекших ногах, охая, капитан доходит до лестницы и спускается вниз. Встает на нижнюю палубу, шатается, чуть не падает, кивает обернувшимся стрелкам и радисту. «Сэр, вы похожи на лошадь», — говорит бортинженер. «На какую лошадь?» — «На загнанную, сэр». Все смеются.

«Вам нужно выспаться, сэр».

Пшик! Гельсер открывает герметичный люк и видит круглую темную дыру лаза.

Это металлический туннель диаметром чуть больше полуметра, связывающий переднюю герметичную кабину с задней.

Гельсер медлит.

Придется лезть в металлическую кишку, что проходит через весь самолет. А это двадцать шесть метров в полной темноте. Почувствуй, каково это — быть заживо погребенным, невольно размышляет Гельсер. Ну, или кого волнует судьба глиста в заднице. Надо ложиться на тележку и крутить ручную лебедку, чтобы проехать несколько десятков ярдов. Это называется «лифт». В задней кабине туалет, горячая еда и койка. Сон. Гельсер медлит, чувствуя, как в груди разрываются и связываются вновь какие-то темные, смутные страхи и желания.

Он делал это сотню раз, если не больше.

Пошел! Гельсер усилием воли опускается на колени и сует голову в темноту. Помогая себе руками, укладывается грудью на металлическую тележку, плечи упираются в металлические стенки трубы. Как узко. Сзади его аккуратно берут за ботинки и вдвигают в лаз, как поршень в масляный цилиндр. Свет исчезает. Скрежет закрываемого люка. Пшш. Герметизация. Капитан оказывается в абсолютном одиночестве в полной темноте в полной жопе.

Сотню раз, думает Гельсер.

Ощущение все равно тошнотворное. Тошнотворно-привычное.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

Мочевой пузырь, прижатый весом капитана к тележке, напоминает горячую свинцовую болванку. Гельсер лежит на нем, как на вершине горы, и крутит лебедку — и-раз, и-два. Вибрация чувствуется и здесь. Он едет в темноте. Лебедка крутится все быстрее. И он снова слышит тот самый звук. Легкое «ззззз» где-то за гранью восприятия. Крысы? Тараканы?

Дурацкое ощущение, что стены трубы смыкаются позади него. Еще немного и...

зззззз...

Он упирается макушкой в холодный металл.

Когда «лифт» прибывает, с той стороны люка должна загореться лампочка. То есть лучше бы она загорелась. Гельсер совсем не хочет остаться в этой темноте навсегда. Он едва сдерживается, чтобы не заколотить в дверь. Быстрее, быстрее! Ну! Щелчок замка.

Наконец-то.

Светлое пятно — лицо Финни.

— Сэр?

Ему помогают выбраться.

Гельсер выпрямляется (бог знает, чего ему это стоит) и окидывает взглядом кабину. Зрение пока не восстановилось, но кое-что он замечает сразу. Квадратный алюминиевый стол, уже поцарапанный от долгой жизни — и совершенно пустой. Словно тут даже кофе не пьют. Угу. Гельсер щурится, моргает и оглядывает двух стрелков и бортинженера. Вернее, одного стрелка и две напряженные спины.

Физиономия и спины слишком уж невинные.

Ясно. Они играли в покер. Это, конечно, лучше, чем если бы они резались в «морской бой» по внутренней связи. По крайней мере, если «Б-3б» «Миротворец» потерпит крушение, то комиссии, которая будет расследовать причины, не придется выслушивать «эй один?», мимо, «джи восемь?» — «ранил» в течение нескольких часов кряду. В записи «черного ящика» не останется ничего лишнего... кроме, пожалуй, вопросов Гельсера про странный звук.

Это была ошибка, понимает Гельсер. Дела идут и так неважно, не надо было...

В лице Финни — понимание.

Сколько сочувствия может вынести один человек? Даже если он капитан ВВС, тридцатисемилетний мужчина и протестант?

Ответ: очень немного.

Сочувствие как грунтовая вода, оно размывает каменную кладку, которой Гельсер отгородился от мира.

Не позволяя себе дрогнуть лицом, капитан холодно кивает Финни.

Гельсер спускается к туалету. Металлический бак, закрытый крышкой, и умывальник на стене за ним. Зеркало. Мыло.

Туалет ничем не отгорожен. Знаменитая демократия в действии.

Гельсер расстегивает комбинезон, достает свой прибор, целится. Ничего. Несколько долгих мгновений он даже не может начать. Слишком долго терпел. Отлить хочется невероятно (почки будто вырезают хирургическим ножом), но — никак. Не-так, не-так.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

Чертов гном, думает капитан Гельсер.
Мать твою, чертов, чертов, чертов гном.
Она просто уехала.

Раскаленная струя под давлением бьет в толчок, разбрызгивается, как из брандсбойта. Капитан чувствует себя пожарным из немой комедии, который поливает все, кроме очага возгорания.

Он почти уверен, что моча превратилась в серную кислоту — такая огненная проволока протягивается от почек до члена. Электрическая, раскаленная добела, дуга, на которую нанизан капитан ВВС Роберт Н. Гельсер.

Он хочет думать, что он изливает из себя ненависть. Мелкие капли оседают на блестящем металле. А может, это зависть.

Это точно зависть.

Закончив, обессиленный, капитан Гельсер упирается в стену хвостового отсека ладонями. Боль в почках такая, словно там протянуты кожаные ремни. Некоторое время он даже не может дышать. Стоит с расстегнутой ширинкой и пытается вспомнить, как это делается.

Время проходит.

«Сэр, как вы там?» — голос Финни сверху. Из-за гула двигателей его практически не слышно, поэтому бортинженер орет.

«Отлично», — говорит капитан Гельсер.

Волей-неволей он поднимает взгляд и смотрит на себя в зеркало. Карие глаза, шатен, крупно вылепленный англосаксонский подбородок. Красивое лицо... лицо выпотрошенное, точно его вскрыли, как свежепойманного тунца. Бледный лоб в испарине.

Платье. На ней в тот вечер было платье с юбкой-дудочкой, цвета теплого шампанского.

— Что?! — орет Финни.

Мой экипаж будет меня ненавидеть, думает он. Кричит:

— Ничего! Все в порядке!

Хотя здесь далеко не все в порядке. Совсем не.

Он протягивает руки, сматывает кусок туалетной бумаги, начинает промокать металл. Досадная неприятность. Ему все еще больно нагибаться, но тут уж ничего не поделаешь. Аккуратно затирает круглое сиденье и пол вокруг. Выбрасывает слипшийся комок в ведро для мусора. Снова отматывает несколько ярдов бумаги и снова вытирает. Его маниакальная, почти болезненная тяга к порядку. Снова выбрасывает бумагу в ведро. Все можно исправить.

Нужно только немного больше туалетной бумаги.

Гельсер сразу почувствовал какую-то странность. Он никогда не относил себя к ревнивым мужьям, но тут слепому ясно — между ними что-то есть. Между ней и рыжим придурком из ВМФ. Коммандером флота. У него лоснящееся, очень белое лицо преуспевающего продавца библий. Гельсер поставил бокал с недопитым скотчем на комод рядом с вазой и подумал: нужно что-то сделать. Прямо сейчас.

Вместо этого Гельсер достал сигарету и закурил. Он не любит курить, но это тоже часть имиджа. Настоящий мужчина должен курить. А то люди подумают, что он больше заботится о своем здоровье, чем о своей стране.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

Жесткая коробка «Лаки страйк» впивается углами в грудь, дым извивается полосами и режет глаза.

Гельсер берет сигарету двумя пальцами, выдыхает.

Смотрит сквозь дым на этого придурка, сидящего на диване недалеко от его жены. Вечеринка в самом разгаре. Кто-то включает «Дни моей жизни», мужчины пьют, звенят льдом в бокалах и смеются, женщины расселись кружком и слушают рыжего болтуна.

Он снова затягивается, чувствуя, как на языке оседает смола и горечь. «Ридерз дайджест» написала, что сигареты нас убивают.

Но никто не написал, сколько жизней они спасли.

Ему тридцать пять, блестящий офицер с перспективами; ей двадцать три, молодая особа из пригорода, из хорошей семьи. Свадьба. Приглашенный оркестрик играет под ветками платанов «Боса нову» и «Дни моей жизни». На свадьбе ее брат напивается (он, кстати, тоже морской офицер, лейтенант) и грубит Гельсеру. Тогда капитан смотрит на него и видит ее черты.

Он быстро и жестко набил ее брату физиономию. Тогда им впервые овладело это желание — уничтожить ее, расколотить этот нос, эти губы, этот упрямый лоб.

Но он приходит в себя, не успев выйти за рамки.

Мальчишку-лейтенанта уводят отсыпаться.

Он смотрит на веселящихся гостей сквозь ряд деревьев и идет к ним. Это его праздник. Он проходит между гостями, шутит, кивает и улыбается. Тут его догоняет шафер и останавливает за рукав. Лицо у него побледневшее.

Шимун Врочек

— В чем дело, Коффи, — спрашивает Гельсер, продолжая улыбаться. — Что с тобой?

Вместо ответа шафер молча подает ему тканевую салфетку с вышитым вензелем.

Гельсер опускает взгляд и видит, что у него все кулаки в крови.

Возможно, что это последний полет «Миротворца». «Б-3б» снимают с вооружения, списывают в утиль. На базе Элисон на Аляске осталось всего два таких самолета. Его, Гельсера, атомный «стратег» и сверхдальный разведчик Коффи.

Экипажи пересаживают на «Б-47» и на новенькие «Б-52» «стратокрепости».

Но ему это не светит.

На что годится он как командир, если от него сбежала жена?

Ответ слишком ясен даже ему самому. В определенный момент жизни мужчина зависит от женщины больше, чем думает. И это даже не момент рождения, нет. Мать примет тебя таким, какой ты есть. А женщина, на которой ты женился, уничтожит тебя любого, какой ты был, какой ты есть и каким ты будешь — если только захочет.

Она захотела.

На что он годится как мужчина?

Он пытался заставить ее бросить курить. Не вышло. Точнее, вышло ровно наполовину. Она продолжает курить до сих пор, но все же она кое-что бросила.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

Его.

Не сказать, что капитана это особенно радует.

Она сейчас где-то за сотни миль отсюда сидит на кровати с дымящейся сигаретой «Олд голд» в пальцах.

Это очень сексуально, думает он, лежа на пустой, аккуратно застеленной кровати в аккуратном пустом доме и глядя в потолок. Невероятно сексуально, когда красивая женщина курит. Представив себе дым, с шумом вырывающийся из ее ярко-красных губ, Гельсер едва сдерживает стон. Над ним бледно-розовый потолок, как она пожелала. Теперь это его собственный кинотеатр видений.

Это была не любовь.

Это не любовь.

Это всегда была схватка двух огромных отчаявшихся кровавых зверей на уничтожение. Иногда, лежа после очередной схватки на измятой и скомканной простыне, Гельсер чувствовал себя опустошенным; разряженным, как патрон. Наверное, так же себя будет ощущать «Б-36» «Миротворец», когда наконец сбросит атомные бомбы на русских. Убийственная алюминиевая птица. А сейчас у него ощущение, что бомбы уже сброшены.

Под брюхом «Миротворца» с отчетливыми хлопками раскрываются три купола.

Атомные бомбы Mk.8 по 14 килотонн каждая.

Привет, русские.

Когда он служил в Корее, он видел пожар на аэродроме. Заправочный шланг сорвало (раздолбай-техник не закрепил его предохранительным шнуром, как поло-

жено по инструкции), и тот полетел, разливая галлоны чистейшего авиационного бензина... прозрачная струя, изогнутая в воздухе, как на фотографии Дали с кошками, что была на обложке «Лайф». Гельсер отчетливо запомнил это. Заправочный пистолет упал на бетон, чиркнул по нему... разлетающиеся искры...

Момент, когда в груди замирает. Бензин вспыхнул, огонь побежал по следу. Кажется, даже топливная прозрачная струя в воздухе не успела долететь до земли и вспыхнула огненной красной дугой. Гельсер смотрел тогда, замороженный невероятной красотой этого зрелища. Он потом убеждал себя, что не может этого помнить, такое происходит в долю секунды... но все-таки не убедил.

Он это видел.

Он успел тогда повернуться и отбежать достаточно далеко, чтобы взрыв топливозаправщика только подпалил ему спину. Кусок хлеба в тостере. БУМММ. Пахнуло горячим. Он закричал. Он подумал: хорошо, что на мне бейсболка, а то сгорели бы волосы. А потом его выкинуло из тостера к чертовой матери.

Готово.

Гельсер лежит на койке в заднем герметичном отсеке и чувствует, как его разум скользит на огромной высоте под куполом атомного парашюта.

До взрыва осталось...

зззз... ззззз...

«Самое обидное, что она ушла как раз тогда, когда собрался ее бросить, — вспоминает он слова одного своего приятеля. — Просто взяла и ушла. Я должен бы

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

радоваться, но какое там. Ты понимаешь? Весь извелся от обиды, потому что неправильно это вышло. Высох весь. Ты думаешь, я сломался, да? А нет. Я пью, чтобы совершенно не сохнуть. Понимаешь?»

Гельсер представляет вымоченные в виски коричневые мышечные волокна, похожие на волокна сушеной конины. Он моргает. Египетская мумия с ввалившимися щеками, сидящая за стойкой бара «У Джеми», говорит ему: ну, ты понимаешь.

На мумии серый летный комбинезон и форменная бейсболка летчика ВВС.

На ярлычке на груди имя «кпт. Роберт Н. Гельсер». До взрыва осталось: пятнадцать... четырнадцать...

Ззззз...

На самом деле капитан Гельсер дремлет.

— Сэр!

Его будят раньше, чем нужно, — он чувствует это по внутреннему таймеру, который у натренированного пилота редко дает сбой. Значит, что-то случилось. Он спрыгивает с койки, от прилива адреналина в мышцах пожар и дрожь. От приземления гудят отбитые ноги.

— Сэр, на два часа! — Финни.

Вспышка. На мгновение лед проявляется, будто фотобумага.

Гельсер вминает лицо в стекло блистера. Не может быть. Он моргает, протирает глаза. Чертовщина какая-то.

Затянувшийся кошмар из сна.

Белое поле простирается до самого горизонта. «Миротворец» сейчас в районе Северного полюса. Привет, медведи. Севернее восьмидесятой широты гирокомпас

бесплезен, поэтому на него не смотрим. Радиоконпас показывает привязку к передатчикам канадских, норвежских и американских полярных станций — так что не потеряемся.

«Финни, что там?»

«Сэр, вы это видите?»

Они идут на высоте девять километров. До точки поворота осталось двенадцать минут.

Справа по курсу — кусок снежного поля вдруг вздыбливается, набухает, его прорывает белым. Брокколи, думает капитан Гельсер. Больше всего это похоже на белые переваренные брокколи. Взрыв расширяется, растет, и вот — толстый гигантский белый гриб медленно поднимается вверх... выше... выше... если бы здесь были облака, он бы уже их коснулся... но он продолжает расти. И вот он уже почти вровень с «Миротворцем», коснулся стратосферы... основание его отрывается от поверхности воды. Гигантская поганка нависает над самолетом.

Атомный взрыв, понимает Гельсер. Или чертов вулкан. Пожалуйста. Есть в этом районе чертовы подводные вулканы?

Потом Гельсер думает: началось.

Русские идут.

— По местам, — командует он. С удивлением слышит свой спокойный твердый голос. Будто и не он говорит, совсем.

ззззз... зззз...

Гельсер видит, как от основания гриба отрывается и бежит тонкая кромка — след взрывной волны. Лед

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

крошится и замирает, прежде чем вспухнуть (нарыв) белым.

Это русские.

Ударная волна настигает «Б-3б». Грохот такой, что перекрывает рев двигателей. Гельсера отшвыривает на стрелка. До эпицентра взрыва несколько десятков километров, но самолет безжалостно трясет, словно он на полной скорости выскочил с шоссе на разбитую дорогу. Звук такой, словно у Гельсера в голове что-то лопается. Черт, черт, черт. У «Миротворца» гибкие крылья и фюзеляж в месте их крепления. Может, поэтому их и не оторвет. Черт. А может, и оторвет.

«Б-3б» такой огромный, что вместо несущего фюзеляжа у него две силовые балки. И сейчас нужно отправить людей в центральный отсек, думает Гельсер, чтобы осмотрели, не прогнулись ли шпангоуты.

А, черт. Он вспоминает про взрыв.

Гельсер вскакивает и, не обращая внимания на разбитую руку, бросается к блистеру. Время исчезло.

Там, наверное, вода закипела, отрешенно думает Гельсер, глядя, как в белом теле полюса, в подножии гриба истекает черным глубокая рана. Вода, наверное, кипит и парит. От радиации вода теплая-теплая. Окутанная белым облаком прорубь посреди Арктики. Почему я не удивляюсь?

Белый гриб расплзается, теряет форму, оплывает. Он стал еще больше, если это возможно...

От его вершины плавно, медленно отделяются облачные кольца.

Это... красиво.

Шимун Врочек

Второй пилот знает свое дело. Он начинает поднимать «Миротворца» выше и выше, в разреженные слои атмосферы. Здесь самолету гораздо лучше. Закладывает плавный вираж влево.

Зззз...

Гельсер смотрит на белую пустыню, проросшую гигантской поганкой, и думает: зззззз... зззз.

«...дни моей жизни».

«Это лучшие дни моей жизни».

Надеюсь, фотоавтоматы включены. Готовая фотография для обложки журнала, не хватает только красной надписи «Лайф».

— И кошек, — говорит он задумчиво.

— Что?!

Да, именно. Черно-белый снимок. Белый гриб, черные летящие кошки, растопырившие когти, словно их несет ударной волной...

И красный жирный слоган поверх «Атомная война началась!». Вот этого только не хватало.

— Отказ второго двигателя, сэр! — слышит Гельсер. Поворачивает голову. Финни кричит ему в ухо и что-то протягивает. Лицо искаженное, словно опрокинутое внутрь себя.

Гельсер наконец понимает, что от него хотят, и надевает наушники.

— ...дета! — сквозь жутчайший треск помех.

Он нажимает педаль, переключая микрофон на передачу.

— Говорит командир. Что у нас?

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

Всплеск черных шупалец. Капитан Гельсер смотрит в окно и не верит своим глазам. Он больше не слушает второго пилота, который что-то кричит сквозь треск. Из-под основания гриба, в расколы льда пробиваются извивающиеся черные отростки. Все это уже не важно. Осьминожка. Усилием воли капитан возвращает ощущение масштаба. Атомный гриб в несколько миль высотой. Тогда эти черные отростки будут...

Вот дрянь.

Они мелькают в разломах льда и исчезают.

— Сэр! Что это?! — Финни. — Что это было, сэр?!

Капитан молчит. Сердце в груди выделяет странное дерганое движение бедрами, наподобие того, что исполнял тот парень, Элвис Пресли. Разве это не безумие?

Ззззз... ЗЗЗЗЗ.

— Занять места по штатному расписанию! — командует Гельсер и бросается к люку. Не важно, что это было, его место сейчас там, в кресле пилота. Даже боязнь темноты и замкнутого пространства временно отступает.

Гельсер заползает в трубу. Люк закрывается.

Ззззз...

Темнота. В следующее мгновение капитан снова чувствует, как парит под куполом атомного парашюта.

Стропы вибрируют «ззззз» от страшного натяжения, потому что теперь он атомная бомба Mk.8 и весит четыре с половиной тонны. Вот откуда этот звук!

Бламц. Лопаются стропы. Бламц! Парашют отрывается. Разум капитана Гельсера стремительно падает в огромное, черное, бескрайнее, кипящее радиоактивное море безумия.

Шимун Врочек

Он летит, набирая скорость.

В ушах ревет разрываемый воздух. В желудке нарастает стремительная пустота.

Он падает в кипящую от радиации черную воду, бултых. Плюх! Он выплывает на поверхность, выплевывает воду, кашляет, хватая ртом воздух... поворачивается...

И здесь его встречает мертвый бог.

Глава 2

ИЗ МОНАКО С ЛЮБОВЬЮ

1

Два выстрела прозвучали одновременно. «Точнее, — подумал Шон Коннери, разглядывая малиновый мячик, выкатившийся к его белым теннисным туфлям, — мы застрелили друг друга в честном поединке с разницей в полсекунды». Жаль, что здесь нет фотоавтомата, наподобие того, что стоит в стрелковом тире в лондонском офисе Ми-6. Он повел плечами. Спина была мокрой, к носку туфли прилипли травинки. Он снова посмотрел на мяч.

Малиновый цвет на фоне зеленой травы смотрелся вызывающе.

Коннери поднял голову и огляделся. Они играли недалеко от резиденции принца Ренье III, окруженной старинным парком. Запахи гибискуса, лимонных деревьев и шалфея витали в воздухе, смешиваясь с влажными ароматами экзотических орхидей. Отсюда Коннери видел стену старинной генуэзской крепости. Дальше за стеной начинались лавочки сувениров, летние кафе,

пляжи и теплое море. Вечером, когда спадет жара, он спустится вниз и выпьет чего-нибудь покрепче в одном из прибрежных баров. Отличная мысль. Пока же вокруг Коннери были зеленые лужайки знаменитого кантри-клуба.

Зеленые лужайки княжества были одной из трех вещей, ради которых стоило устраивать тягомотину с многочасовым перелетом из Лондона и сводящим скулы приемом у английского посла.

— Шон! — раздался приятный голос.

Молодая женщина в короткой белой юбочке подошла к нему, ступая мягко и упруго. Без сомнения, она находилась в отличной спортивной форме. Это была высокая блондинка (но не выше Коннери), спокойная и элегантная.

— Я же говорила, что попаду, — весело сказала она с легким американским акцентом и взмахнула ракеткой. Та со свистом рассекла воздух. — Ну что, будете еще спорить, Шон?

Второй вещью, ради которой стоит посетить Монако, задумчиво размышлял Коннери, являются здешние казино. Третьей — местные девушки. Он посмотрел на соперницу, улыбаясь своей самой ироничной улыбкой.

А первой и самой важной, естественно, теннисные лужайки.

Разумеется, Коннери был рад размяться. Он уже лет сто не брал в руки ракетку, вынужденный заниматься кабинетной работой в штаб-квартире Секретной службы, где развлекался чтением Самых Станных Сообщений

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

на свете. Такая работа для агентов его класса находилась всегда. Бумажная работа. Но раз в год можно было рассчитывать на смертельно опасное задание. Коннери с удовольствием посмотрел на ноги девушки. У нее были загорелые красивые икры и изящные лодыжки.

Очень опасное задание. Чего только не сделаешь ради своей страны.

— Ну же, Шон, сдавайтесь! Не заставляйте меня применять к вам насилие.

Он улыбнулся, показав на щеках издевательские ямочки.

— Ваше высочество, мне остается только подчиниться. Но...

— Шон!

— Сдаюсь, — рассмеялся он, поднимая ракетку над головой.

Спор заключался в следующем: принцесса Монако собиралась доказать, что лучше владеет ракеткой, чем представитель британской нефтяной компании, за которого Коннери себя выдавал (не особо, впрочем, напирая на маскировку). Конечно, это был вызов. Шон улыбнулся и предложил сделать ставки.

Идея дуэли была взята из нашумевшего фильма Куросавы «Семь самураев», от просмотра которого принцесса находилась под большим впечатлением. Они с Коннери становились друг против друга на разных концах теннисного поля. У каждого было по мячу. И один удар решал все.

Принцесса оказалась быстрее.

Теперь Шону предстояло расплачиваться.

— Почему вы играете мячами такого странного цвета? — спросила Грейс. — Это несколько экстравагантно, не находите?

— Это цвета моей компании.

Не мог же он сказать, что цвет мячиков был всего-навсего условным сигналом для «связного». Хотя необходимость в таком сигнале, похоже, отпала (связной не появился ни вчера, ни сегодня, и, вероятно, был уже мертв).

— Что вы говорите? — Грейс посмотрела на него. — А разве у «Бритиш Петролеум» не желто-зеленый логотип?

— Правда? — он поднял брови. — Видимо, я забыл.

— Лжец, — сказала принцесса с улыбкой. Ему понравилось, как она это сказала. — Признайтесь, вы ведь никакой не нефтяник, Шон?

— Скажем так, — он тоже улыбнулся, — нефть — не основное мое занятие.

— Нефтяник вы или нет, вы только что проиграли мне одно желание. Не забывайте об этом, Шон.

Он слегка поклонился:

— Я ваш. В любой момент, как только пожелаете, ваше высочество.

— Зовите меня Грейс.

— Хорошо... Грейс. Еще партию?

Гунк! Бам!

— Ох! — Грейс замерла. Мяч Коннери, пущенный с огромной силой и скоростью, пролетел всего в нескольких дюймах от ее лица. Она подняла руку и коснулась щеки — ничего.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

Коннери подошел и встал рядом, глядя на нее сверху вниз.

Грейс посмотрела на него широко расставленными голубыми глазами.

— Вы ведь специально это сделали, Шон?

Он слегка наклонился к ней, для вида, якобы посмотреть, не задел ли ее мяч. На самом деле — чтобы вдохнуть аромат ее волос. Грейс пахла вербеной и американским детским шампунем.

— Нет.

— Вы не джентльмен.

— Это не единственное мое достоинство.

Она сказала:

— Доиграем в следующий раз. Прошу меня простить.

«Рискуешь, Шон», — подумал он, глядя ей вслед.

Принц Ренье известный ревнивец (что не мешает ему заводить шашни направо и налево), за принцессой следят днем и ночью. Тебя уже взяли на заметку, Шон. Впрочем, разве не за этим я здесь?

Коннери покачал головой.

Британское казначейство не слишком рискует, выделяя агентам такую «большую» пенсию: две с половиной тысячи фунтов в год. Она мало кому сможет пригодиться.

Разве что скупому шотландцу, Коннери мысленно улыбнулся, — вроде него.

Коннери знал, что агенты его класса редко доживают до сорока пяти лет, но чем черт не шутит? Он постарается. Шон слишком хорошо помнил время, когда